

О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ ТЕКСТОВ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ¹

Валерий А. Мишланов, Екатерина С. Худякова
Пермский государственный университет, Россия

The article discusses the features of genre organization of the church-religious style the Russian. The genre models are described from the point of view of the spiritual activity in religious field. In this connection it is proposed to consider not only central genres those are a prayer, a sermon and a confession, but also to consider peripheral genres associated with specific firmness of purpose appropriate to Orthodox church-religious discourse. Hence it is studied the regulating (official), preceptoring, theological genres and genres of expressions of the individual faith.

For the investigation of genre character of church-religious texts is suggested to introduce a notion of “metagenre” implying a general stylistic-neutral unfilled abstract model connected with firmness of purpose of speech activity. Thus the statute genre with respect to specific genres of monastic and secular statutes obviously is metagenre. For grading church-religious genres have been used institutive, subjective and intensional scales.

Предыдущий период развития функциональной стилистики отличался тем, что во главу угла ставилось изучение разноуровневых языковых средств, выполняющих стилистические функции. На современном этапе, как отмечает М.Н. Кожина, речеведение выдвигает на передний план изучение экстралингвистических оснований человеческой речевой деятельности (Кожина, 2002: стр. 154), или, словами В.А. Салимовского, «частных разновидностей духовной социокультурной деятельности, рассматриваемых с учетом как общих признаков соответствующей сферы духовного творчества, так и ее собственных особенных характеристик» (Салимовский, 2002: стр. 6). Теперь внимание все более переключается на изучение особенностей отдельных речевых жанров, на анализ конкретного речевого произведения в самых разных аспектах, в том числе с точки зрения явных и подспудных мотивов и интенций говорящего, предопределяющих выбор коммуникативных тактик, на описание социокультурного окружения текста, на экспликацию таких понятий, как языковая личность, образ автора и образ адресата.

Главное, чем знаменуется новый виток развития функциональной стилистики (речеведения), заключается не только в том, что текст как основной ее предмет описывается с большей

---

¹ Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-82406 а/У.

конкретностью, с большей определенностью, а в том, что за этим предметом стоит, по сути, особая лингвистическая категория, отличная от категории текста в прежнем понимании (а потому чаще теперь используются термины *дискурс*, *дискурсивный анализ*).

На первом уровне абстракции стилистика исследует конкретную языковую личность и конкретный текст, порожденный по некоторым нормативным («принудительным») жанровым образцам, соответствующим определенным социокультурным обстоятельствам.

Во втором приближении рассматриваются эти обобщенные жанровые образцы (или каноны), избираемые в соответствии со спецификой обобщенной сферы речевой деятельности. Здесь стилистика смыкается с социолингвистикой, ведь «только в социальном взаимодействии, в общении, в «диалоге» определяются значимые для языкового коллектива темы речевых выступлений, формируются социальные оценки, складываются соответствующие этим темам и оценкам **модели высказываний** (т.е. речевые жанры)» (Салимовский, 2002: стр. 7). На этом уровне абстракции создаются модели отдельных речевых жанров (см., например: (Китайгородская, Розанова, 2007; Тарасова, 2007)).

Наконец, фокус внимания исследователей (стилистов, социолингвистов и лингвокультурологов) смещается с готовых текстов на процессы их создания. На этом, самом высоком, уровне абстракции рассматриваются **ментальные модели**, лежащие в основе речевой деятельности и связанные со структурой духовной сферы, где эта деятельность осуществляется. На этом этапе функциональная стилистика исследует ономаσιологический аспект текстообразования (выявляя мотивы и интенции, определяющие выбор знаков) и обращается к понятиям и методам дискурсивного анализа (в частности, процесс текстопорождения моделируется в направлении от ментальных конструкторов – категорий / представлений / концептов / ценностей / идеологем / установок – к реализующим их речевым продуктам).

В отличие от социолингвистики, в рамках которой изучаются определенные социо-психологические факторы и отражающие их языковые явления, современная функциональная стилистика стремится описать систему социокультурных категорий, лежащих в основе текстовой деятельности, т.е. создает модель речевой деятельности внутри определенной социокультурной сферы (или дискурса).

В настоящей статье мы рассмотрим церковно-религиозные жанры, поставив целью построение жанровых моделей, т.е. тех

обобщенных конструкторов, которые находят конкретное воплощение в церковно-религиозном дискурсивном поле, имеющем в качестве социальной базы институты Русской Православной Церкви (РПЦ).

Возникает вопрос о соотношении, с одной стороны, жанроведения и функциональной стилистики, а с другой – категорий *жанр* и *стиль*. По В.А. Салимовскому, «изучение языковых стилей может быть продуктивным лишь на основе постоянного учета их жанровой природы» (Салимовский, 2002: стр. 6). Поскольку, как показал М.М. Бахтин, речевая деятельность имеет жанровую природу, нельзя изучать стили вне анализа тех относительно устойчивых форм, в которые «выплаваются» все речевые произведения. С учетом этого «стилистику нужно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение» (Салимовский, 2002: стр. 17). В то же время анализ многих лингвистических работ показывает, что жанры речи пытаются распределить между четко очерченными «территориями» стилей, следовательно, стиль трактуется как более крупная по сравнению с жанром категория.

С включением в орбиту исследований шестого стиля русского языка – церковно-религиозного или религиозно-проповеднического – актуальность решения означенной проблемы только возросла. Необходимость выделения в системе функциональных стилей русского языка церковно-религиозного стиля была обусловлена осознанием того, что определенные речевые жанры, сравнительно недавно попавшие в поле зрения исследователей, не соответствуют по своим функционально-стилистическим параметрам традиционно выделяемым стилям, «укомплектованным» своими жанрами.

Внутри церковно-религиозного стиля определен устойчивый набор центральных жанров (это прежде всего *молитва*, *проповедь* и *исповедь*), хотя экстралингвистическая основа их выделения не вполне ясна. Все остальные жанры, с одной стороны, функционирующие в церковно-религиозном дискурсивном поле, а с другой, обладающие лингвистическими приметами принадлежности к религиозному сознанию, были вынесены за пределы этого стиля; см., например, высказывание Н.Н. Розановой: «Многие жанры, представленные в коммуникативном пространстве православного храма, стилистически ориентированы на другие коммуникативные сферы и могут встречаться в иных ситуациях (например, информативные микродиалоги, объявления, фатические беседы и т.д.)» (Розанова, 2003: стр. 343).

На наш взгляд, к церковно-религиозному стилю русского языка должны быть отнесены жанры, специфика которых определяется их

связью с церковно-религиозной сферой общественной деятельности и функциональной ориентированностью на регламентацию взаимодействия людей внутри института церкви. К таким жанрам следует отнести, например, русские (не церковнославянские) тексты канонов, решений церковных Соборов, циркулярные письма церковных иерархов, «законоположительные» и «учительные» книги Св. Писания. Мы выделили два типа регламентирующих текстов. Первый составляют тексты, направленные на «регламентацию» отношения верующего к Богу, к церкви, к другим верующим и к себе (их можно назвать *нравственно-регламентирующими*). Жанры нравственно-регламентирующего типа – канонические и традиционные, новые тексты этого жанра на современном русском языке практически не создаются.

Другой тип документов представляют тексты, в которых прописываются правила и нормы деятельности внутри института современной церкви (назовем их институционально-регламентирующими). К этому типу относятся различные решения и постановления новейших Соборов, циркулярные письма, а также уставы обителей. Этот жанр подвергся значительному влиянию параллельных жанровых моделей официально-делового стиля. Вместе с тем ссылка не на правовые акты, а на внутренние духовные нормы каждого верующего составляет существенное отличие устава монастыря от правоустанавливающего акта (о термине *правоустанавливающий акт* (см. Нестеров, 2007) (Ср.: «Устроение монашеской жизни основывается на учении Священного Писания и св. Отцов Церкви, а также врожденном стремлении человеческого духа путем самоотвержения достигать высшего нравственного совершенства» (Устав, 2000: стр. 3).

Рассмотрим стилистические и жанровые особенности текстов этого типа на примере Устава Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря (СПб., 2000).

Установление норм осуществляется указанием на непреложные догматы, зафиксированные Священным Писанием. Части текста, служащие установлению каких-либо правил и всего образа монастырской жизни, оформляются нестрого, «нетерминологично»: «*Давший обет нестяжания утверждаетъся на следующих словах Христовых: «...Аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имЕніе твое, и даждь нищимъ, и имЕти имаши сокровище на небеси, и гряди вслЕдъ Мене...» (Мф 19, 21)» (Там же: стр. 10).*

Структура монастырского устава в целом совпадает со структурой правоустанавливающего устава, однако языковые формы, выражающие установление, весьма различны: в монастырском уставе используются условные, предписывающие и иные формы, имеющие хождение лишь внутри церковно-религиозного стиля (ср.: «В помощь Настоятелю существует Духовный Собор монастыря, членами которого являются: Настоятель, Казначей, Духовник, Благодичный, Ризничий, Эконом и, **в случае нужды**, некоторые другие **по опытности и благочестию** достойнейшие лица из братии») (выделено нами – *В.М., Е.Х.*) (Там же: стр. 7).

Композиция монастырского устава как документа, регламентирующего жизнь в обители, также в целом схожа с композицией светских деловых уставов, однако метатекстовые ссылки в монастырском уставе редки или отсутствуют вовсе, так как порядок и сроки действия устава, а также характер документов, вводящих этот устав в действие, определяются традицией, указами митрополита и в целом каноном РПЦ.

Обитель можно отнести к малой социальной группе, а потому представляется возможным определить «права и обязанности» каждого насельника, что и делается в ч. III («Должностные лица монастыря»). Отметим, что акты установления, обязывания осуществляются в монастырских уставах не с помощью модальных слов долженствования, а с помощью изъяснительных конструкций с модальными же (по семантике) опорными словами, в которых (конструкциях) отражаются межсубъектные отношения субординации («В своих заботах о душах братии монастыря Настоятель при помощи Духовника следит, чтобы вся братия возможно чаще очищала свою совесть покаянием и причащалась Святых Тайн») (Там же: стр. 15)). Рольевые функции каждого субъекта определяются в соответствующих разделах, обозначенных специальным наименованием «монастырские должности» (*настоятель, Духовник, братия, Благодичный, Ризничий* и т.д.).

Лингвистическое своеобразие третьей композиционной части монастырских уставов состоит в совмещении клишированных оборотов официально-делового стиля («**В случае** отлучки, болезни или смерти Настоятеля **во временное отправление его обязанностей вступает** Казначей монастыря, получающий **в таких случаях** наименование **Заместителя** Настоятеля монастыря») (выделено нами – *В.М., Е.Х.*) и специфических церковнославянских языковых выражений, к которым отнесем прежде всего синтаксические конструкции с инверсией и архаическими средствами связи («В

недоуменных делах Духовник спрашивает Настоятеля и его рассуждению и воле следует»; «Кроме того, по благословию Настоятеля, могут быть назначены старцами или наставниками над новоначальными иноками и иные иеромонахи или простые монахи, опытные в духовной жизни, **кои** подчиняются главному Духовнику монастыря, приемля от него отеческие советы и наставления»), устаревшие морфологические варианты (например, *приемля* вм. *принимая*), специальные лексические средства: терминоподобные образования (*по благословию, духовное руководство, духовный старец, иноческие келии, молитвенное правило*), общие для русского и церковнославянского слова (по происхождению, как правило, церковнославянские, но в специфическом значении), в том числе семантические библеизмы, т.е. общеславянские слова (без внешних примет старославянизмов), значения которых в русском языке подверглись влиянию церковнославянских религиозных текстов (ср.: *в недоуменных делах, его рассуждению и воле следует; всякие сношения братии*; «Благочинный следит, чтобы **братия без нужды** не посещала лиц, разместившихся в гостиных келиях, наипаче после вечернего **молитвенного правила**, когда **возбранены** и всякие сношения **братии** между собой»; «На должность Духовника монастыря **поставляется в совершенных годах** иеромонах **честного** и богоугодного жития...»), «...он должен опускать в **припечатанные** [т.е. опечатанные] ящички») (Там же: стр. 17, 21, 22).

Существенное отличие религиозных правоустанавливающих документов от светских – их явная оценочность, обусловленная экстралингвистическими основами церковно-религиозной деятельности; ср.: «В великом, ответственном и трудном деле духовного руководства Духовник руководствуется Словом Божиим, богомудрыми отеческими писаниями, правилами Святой Церкви и правилами, положенными в Уставе монастыря» (Там же: стр. 25). С верой как экстралингвистическим основанием церковно-религиозных текстов связана и апелляция к личному благоговейному отношению лица, исполняющего определенные обязанности, подчеркнутая необходимость ответственного отношения к своему делу («Обязанности пономаря требуют весьма внимательного к себе отношения, т.к. послушание это сопряжено с прислуживанием в алтаре близ Св. Престола и Св. Жертвенника») (Там же: стр. 25).

При описании обязанностей братии используются своего рода «микрожанры», функционирующие в соответствующей сфере деятельности (ср., например, микрожанр «наставления-рецепта» для просвирика: «Посему такой хлеб подобает печь из чистой свежей

муки, положив закваску и соль в меру, дабы хлеб имел вкус благоприятный» (Там же: стр. 28)). Аналогичные «микрожанры» обнаруживаются в тех разделах Устава, где прописываются обязанности каждого из членов монастырской обслуги.

По коммуникативным целеустановкам (интенции) жанр монастырского устава сопоставим (но, как кажется, не тождествен) аналогичным жанрам официально-делового стиля (административной его разновидности), однако, на наш взгляд, эта интенция (правоустановление, регламентация взаимодействия членов социума) для церковно-религиозной сферы периферийна. На первый план выдвигаются не «внешние» нормы взаимодействия (общезития), а духовные принципы жизни воцерковленного человека. Апелляция к духовной стороне, а не к юридической норме оказывается в функционально-стилистическом плане определяющим фактором: тексты, подобные рассмотренному монастырскому уставу, по основным лингвистическим характеристикам едва ли не всецело принадлежат церковно-религиозному стилю.

Жанр устава (назовем его метажанром, используя литературоведческий термин Р.С. Спивак (2005); о термине *метажанр* см. далее) включает высказывания, являющиеся, по сути, перформативами (ибо всякий пункт «Устава» можно представить в виде высказывания-перформатива, например: *Я запрещаю...*, *Я благословляю...*, *Я разрешаю...*, *Я предусматриваю...* и т.п.), т.е. воплощает действия, призванные регламентировать статус, характер и порядок деятельности какого-либо общественного образования (будь то муниципальное образование, предприятие, митрополия или монастырская обитель). Вместе с тем базовый фактор социокультурной сферы, где функционируют эти образования, оказывается стилеобразующим: муниципальное образование или предприятие функционируют в **правовой** государственной сфере и акт регламентации и правоустановления, связанный с жанром, воплощается внутри официально-делового стиля. Монастырь – образование, функционирующее в церковной сфере, и регламентирующие и правоустанавливающие акты в нем воплощаются средствами церковно-религиозного стиля.

Пытаясь решить проблему жанра и стиля, мы выдвигаем гипотезу о не прямой связи жанра и стиля. Если жанр (для которого мы принимаем модель Т.В. Шмелевой (1997)) определяется в первую очередь коммуникативной целеустановкой, задающей «каркас», алгоритм речевых действий, которые в принципе могут быть воплощены стилистически нейтрально, то основными

стилеобразующими факторами оказываются некоторые всеобщие и конкретно-всеобщие признаки духовной деятельности, совокупность которых в определенной социокультурной сфере неповторима. Реализуя интенцию, говорящий в соответствии с «законами» данной социокультурной сферы избирает жанр, «наполняя» его стилистически-определенными категориями (т.е. включая в текст стилистически маркированные выражения)

Итак, речевая деятельность осуществляется в определенной (и нормативно-организованной) социокультурной сфере, которую можно представить в виде процессов, состоящих из дискретных действий – соответственно, речевых актов. Определенная интенция реализуется с помощью культурно-обусловленного «стандартного» действия, – ср., например, символический обмен ценностями в архаическом и современном обществах. В речевой деятельности эта «стандартная» интенция фиксируется речевым жанром (используем инструменталистскую, орудийную метафору). В современной церковно-религиозной коммуникации действуют вторичные жанры, так как в ней, наряду с основной, стилеобразующей, целеустановкой, функционирует целый комплекс дополнительных, скрытых, сложносоставных.

Поэтому стилевая атрибуция жанра лишь по одной стилеобразующей установке кажется нам неубедительной. Так, если согласиться с Н.Н. Розановой (2003: стр. 343) и В.И. Карасиком (2004: стр. 268), которые считают такой установкой для церковно-религиозного стиля **утверждение вероучения**, то жанр молитвы, несомненно, относящийся к церковно-религиозному стилю, следует вынести за скобки, так как вероучение – это богословская доктрина, эксплицитное изложение идеальной системы церковно-религиозных конструктов (реализующейся в индивидуальной, несистемной вере), тогда как молитва – это интимно-личное мистическое обращение к «внедиалоговому адресату» (Формановская, 2005: стр. 234) и направлена она вовсе не на утверждение веры: по существу, молитва представляет собой фатический речевой акт, т.е. акт, реализующий самодовлеющее общение (Мишланов, 2003: стр. 291).

Жанры богословского творчества тоже были исключены Н.Н. Розановой из церковно-религиозного стиля, однако анализ «научных» статей священнослужителей, изданных в научных филологических сборниках, показывает принципиальную невозможность отнесения этих текстов к научному стилю (Худякова, 2007).

Вера апеллирует и к воле, и к разуму, и к чувству человека, логичность и доказательность при изложении церковных догматов непринципиальны: воздействие на слушателя (читателя) достигается: а) отсылкой к авторитетным текстам (прежде всего к Священному Писанию), б) обращением к индивидуально-эмоционально-рациональному опыту (а не знанию) адресата. На первый план поэтому выдвигаются:

– фатические компоненты высказывания (согласно проповедническому богословию, основное достоинство истинного пастыря – умение сразу проникнуть в душу пришедшего к нему, установить духовный контакт);

– экспрессивные выражения, воздействующие на чувства адресата, а также композиционные средств, акцентирующие внимание не на логичности изложения (как в научном тексте), а на каких-либо идеях (при этом рациональные доказательства не привлекаются, но нередко используются ссылки на собственный авторитет).

В научном стиле речи обладание дополнительным знанием адресанта не ставит его в «привилегированное» положение, не создает социально-ролевого неравенства коммуникантов. Знание здесь рационально выводимое, при этом происходит моделирование ситуации получения нового знания путем логических выводов «здесь и сейчас», тогда как для богословских тестов характерно иное: истина и ее получение человеком отнесено в прошлое. Ссылка на авторитет – это вторичный (прагматичный) фактор в научной коммуникации, первичный – включение собственного исследования в современный научный контекст.

Диалогичность религиозного текста многосоставная: адресант – адресат (обычно с четко очерченными психолого-социальными признаками: иерарх (в официальных документах церкви) – верующий (в посланиях и проповедях), неверующий (в апологетических посланиях и проповедях); церковь как сообщество всех верующих – автор; канонические тексты церкви (в исторической перспективе) – собственный текст.

В научном тексте диалогичность эксплицитно включает только отношения автора и читателя внутри научного сообщества, причем прагмалингвистические характеристики адресата не столь явны и определены. Основной ценностью и в научном, и в богословском (или – шире – церковно-религиозном) тексте является истинное знание. Но содержательные характеристики этого знания в этих сферах общественной жизни различны. В религиозном тексте истинное знание – это, во-первых, не новое знание, а существующее на

«надличностном» уровне «от века»; это внеисторическое знание, связанное не с актуальными проблемами современности, а с вечными человеческими потребностями в вере и нравственном ориентире; во-вторых, это знание не о материальном, а о духовном мире и достигается как рациональным, так и сверхрациональным путем (откровением); в-третьих, знание не требует доказательства и дано сразу и целиком, а не «выводится» постепенно, оно сверхличностно и не нуждается в проверке; в-четвертых, истинное знание как ценность не нейтрально, а связано с гуманитарной сферой и «жизненным миром» индивида, аудитория этого знания всегда в некотором смысле маркирована, – религиозное знание актуально только для верующего.

В статьях воцерковленных авторов прямо заявляется противопоставление научной и религиозной истины, как, например, у иеромонаха Александра (Усачева): «В отличие от множества философских, научных и лженаучных теорий, христианская антропология рассматривает человека как целостное существо, сотворенное по образу и подобию Божию и состоящее из единства духа, души и тела» (Усачев, 2003: стр. 134). В статьях иеромонаха отражены главные особенности «научных» работ священнослужителей:

1) декларативность, аксиоматичность утверждений, восходящих к церковным догматам: «Каждому психически здоровому человеку присуще религиозное чувство. Духовная (религиозная) жизнь есть не что иное, как жизнь в Духе Святом, которая проявляется через страх Божий, жажду Бога и совесть» (Там же: стр. 134);

2) в случае, если моделируется коммуникативная ситуация логического доказательства (показатели: высказывания со значением следствия), внутренняя структура их, тем не менее, – не логическая последовательность, а развитие (переформулировка) первоначальной декларации, новое знание путем логического вывода не «извлекается»: «Как сам человек является внутренне целостным, целомудренным только тогда, когда единство его тела и души подчинены организующему влиянию духа, так же точно и в жизни своей человек должен трудиться и творить с Именем Божиим на устах, ибо в определенном смысле, труд – это тело народа, фольклор – это его душа, а Церковь – это его дух» (Там же: стр. 135);

3) употребление местоименных «объединителей» («мы», где общность адресанта, адресата и всего «народа» в целом эксплицитна или «он» – «народ» или «человек»).

Кроме того, отметим такие черты, сближающие «научные» статьи священнослужителей с текстами церковно-религиозного стиля, как:

4) использование риторических оборотов и апеллятивов, не свойственных научной речи («В свое время я задался вопросами: почему люди занимающиеся фольклором отделяют Православие от народной культуры, берут только часть народной жизни, а не ее полноту?» (Там же: стр. 135));

5) использование в качестве доказательства или, чаще, примера должного, авторитетных текстов: «Так учим и других, детей и взрослых, забывая, что Господь говорит: «Иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит так человеки, мний наречется в царствии небесном: а иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небесном»» (Там же: стр. 136).

Спору нет, целеустановки, связанные с базовым фактором некоторой социокультурной сферы (для официально-делового стиля – регламентация и установление, для публицистического – убеждение и воздействие) играют важную роль при выборе речевых стратегий и стилистических ресурсов. Очевидно, для церковно-религиозного стиля ведущей следует считать установку на **утверждение веры**. Однако, на наш взгляд, проблема стилистической атрибуции жанров, связанных с церковно-религиозной деятельностью, не может быть решена с учетом только этого, пусть и важнейшего, коммуникативного фактора. Опираясь на него, мы выделяем лишь центральные жанры церковно-религиозного стиля – проповедь и послание (заметим попутно, что это наиболее изученные церковно-религиозные речевые жанры).

Вместе с тем в том или ином дискурсивном поле субъект реализует и другие типовые, но нецентральные интенции, используя при этом особые жанровые модели. Для выявления специфики нецентральных жанров представляется целесообразным обратиться к литературоведческому понятию *метажанра*. Полагаем, что обращение к этому понятию может способствовать выяснению особенностей жанровой природы человеческого творчества в целом.

Метажанр, выделяемый при максимальной степени абстракции, фиксирует универсальные способы реализации коммуникативных целей, тогда как жанр закрепляет исторически и стилистически определенные способы их воплощения (в этом смысле устав вообще есть метажанр, а устав обители – жанр).

По определению Р.С. Спивак, метажанр – это «художественная структура, выполняющая функцию моделирования действительности» (Спивак, 2005: стр. 5). Так, «общность философских жанров носит

метаисторический характер и ее, естественно, в рамки одного стилевого течения никак нельзя вместить», но «указанная функция мобилизует разные стилевые средства» (Там же: стр. 53). Понятие метажанра, позволяющее осмыслить на более абстрактном уровне способ изображения действительности (иначе говоря, выявить «цели изобразительной выразительности в разрезе всеобщего») (Там же: стр. 54), важно, конечно, и для функциональной стилистики и жанроведения, поскольку, как уже было сказано, понятие речевого жанра (и метажанра) мы связываем в первую очередь с интенциями (с целями коммуникации).

Подчеркнем, что наше понятие интенции не тождественно понятию иллюкутивных сил (в теории речевых актов). В модели того или иного жанра имеется центральная интенция, но она, так сказать, многокомпонентна, включает в себя субинтенции. Например, в философском метажанре определяющей оказывается цель, заключающаяся в создании философской модели мира, которая может воплощаться исторически-конкретными средствами (и формами), соотносимыми, в свою очередь, со специфическим содержанием (индивидуальным, неповторимым исторически и методологически).

Кроме понятия метажанра, эвристически полезным представляется активно разрабатываемое в речеведении и теории речевых актов понятие *косвенного речевого жанра*. Исходя из типологии косвенности, предложенной В.В. Дементьевым, можем утверждать, что жанры церковно-религиозного дискурса – вторичные, производные (Дементьев, 1999: стр. 36). Церковно-религиозные жанры вторичны по знаковой (семиотической) природе текстов, функционирующих в сакральной сфере. Бытовые («простые») интенции в церковно-религиозном дискурсе приобретают характер символических действий, всегда значат «больше самих себя». Так, в молитве простые интенции и, соответственно, субжанр (просьба, благодарность, хвала) включаются в символические отношения верующего к Богу, и эти интенции оказываются средством выражения интимно-личной веры, становятся знаками богопочитания (Мишланов, 2003).

Проблему классификации церковно-религиозных жанров целесообразно решать, используя разные и по логическому основанию, и по степени абстракции «шкалы». Можно использовать следующие «шкалы»:

- 1) *Шкала институциональности*, на которой определяющими оказываются конситуативные факторы: характеристика сферы общения с точки зрения степени официальности – неофициальности.

Мы предлагаем эту шкалу по причине подвижности речевых тактик, индивидуального варьирования при реализации нормативного жанра (и здесь нет противоречия, так как жанр – это «каркас», связанный с типовой базовой интенцией; известно, что существуют жанры более канонические, нормативные и менее формализованные (Гайда, 1986: стр. 24)). На одном полюсе шкалы выделяем жанр интимно-личной сферы общения – молитву, ближе к середине, но все же на части «неофициальность» локализуется жанр исповеди, а на другой половине шкалы – «официальные», социально-маркированные жанры (богословские статьи и трактаты, послания, уставы, каноны и циркулярные письма).

2) *Шкала субъектности*, на которой определяющим оказывается фактор адресанта и адресата; выделяются:

– квазидialogические жанры (или жанры с внедиалоговым гипотетическим адресатом): молитва, исповедь (если взять за скобки промежуточного субъекта – «медиатора»);

– конкретно-диалогические жанры с индивидуальным адресатом: письма и распоряжения определенным лицам;

– конкретно-диалогические жанры с массовым адресатом: проповедь, устав, циркулярное письмо (причем адресат здесь конкретно-массовый, – это сообщество православных христиан);

– конкретно-диалогические жанры с абстрактно-массовым адресатом, не маркированным по воцерковленности или принадлежности к собору: субжанры посланий, функционирующие сейчас в дискурсивной среде СМИ.

По фактору адресанта шкалы *институциональности* и *субъектности* пересекаются: адресант может выступать как официальный представитель церкви или как верующий (причем одно лицо может в некоторых жанрах реализовать то один, то другой «полюс» этих шкал).

3) *Интенциональная шкала*, которую имеет смысл представить в виде двух взаимосвязанных шкал:

– *шкалы метажанров*, полюса которой представлены центральными жанрами (модель жанра в этом случае определяется основной интенцией, диктуемой особенностями данной сферы общественной жизни) и метажанрами; здесь, с одной стороны, находятся жанры *проповеди, традиционного послания* к пастве, *молитва* и *исповедь*, с другой – полюс жанров, воплощающих периферийные интенции, например, *апология, устав, канон*;

– *содержательно-интенциональной шкалы*, на которой церковно-религиозные жанры, выделенные по принципу «центральная

– периферийная интенция», дополнительно описываются по качественным характеристикам этих интенций. На этой шкале выделим жанры: выражения индивидуальной веры (*молитва, исповедь*), жанры утверждения и обоснования вероучения (*богословские труды*), жанры «внушения веры» (*проповедь, поучение, послание*), жанр установления, «внушения» правил и норм духовной и социальной жизни верующих (*устав, канон, циркуляр*).

Литература

- Гайда. Ст. 1986. Проблемы жанра. в *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация*. Межвуз. сб. научных трудов. Перм. ун-т.: Пермь. С. 22-28.
- Дементьев. В.В. 1999. Вторичные речевые жанры (онтология непрямо́й коммуникации). в *Жанры речи*. Колледж: Саратов. Вып. 2. С. 31-46.
- Карасик. В.И. 2004. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Гнозис: Москва. 390 с.
- Китайгородская. М.В., Розанова Н.Н. 2007. К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте. в *Жанры речи*: Сб. науч. статей. Издательский центр «Наука»: Саратов. Вып. 5. Жанр и культура. С. 232-247.
- Кожина. М.Н. 2002. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение. в Кожина М.Н. *Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории*: Избр. труды. Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК: Пермь. С. 150-178.
- Мишланов. В.А. 2003. Молитва как речевой жанр. в *Прямая и непря́мая коммуникация*: Сб. научных статей. Изд-во. «Колледж»: Саратов. С. 290-302.
- Нестеров. А.В. 2007. О соотношении правовых и юридических объектов. в *Юрист*. № 7. С. 10-13.
- Розанова. Н.Н. 2003. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь. в *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Отв. ред. Л.П. Крысин. Рос. академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Языки славянской культуры: Москва. С. 343-363.
- Салимовский. В.А. 2002. *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)*. Изд-во Перм. ун-та: Пермь. 236 с.
- Спивак. Р.С. 2005. *Русская философская лирика 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский*: Уч. пособие. Флинта. Изд-во «Наука»: Москва. 408 с.
- Тарасова. И.А. 2007. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации. в *Жанры речи*: Сб. науч. статей. Издательский центр «Наука»: Саратов. Вып. 5. Жанр и культура. С. 300-311.
- Усачев (Гурий, иеромонах). 2003. Размышления о православности фольклора. в *Славянский мир: исторический опыт и современные проблемы*. Материалы VII Междунар. науч. конф. 15-16 апр. 2003 г. Перм. гос. ун-т, Перм. гос. техн. ун-т; Урал. гуманитар. ин-т. Изд-во Перм. ун-та: Пермь. С. 135-137.

Усачев (Александр, иеромонах). 2003. Антропология и песенная традиция в фольклоре. в *Славянский мир: исторический опыт и современные проблемы: Материалы VII Междунар. науч. конф.* 15-16 апр. 2003 г. Перм. гос. ун-т; Перм. гос. техн. ун-т; Урал. гуманитар. ин-т. Изд-во Перм. ун-та: Пермь. С. 134-135.

Устав Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря. 2000. Санкт-Петербург. 30 с.

Формановская. Н.И. 2005. Адресат в языковой коммуникации. в *Stylistyka XIV, Stylistyka i Kozina.* Ed. Stanislaw Gajda. Polish academy of sciences. Warsaw committee of linguistics. Opole university. S. 231-242.

Худякова. Е.С. 2007. Церковно-религиозные тексты в научном дискурсивном поле: стиль «научных» статей священнослужителей. в *Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. статей.* Отв. ред. Е.В.Ерофеева; Перм. ун-т.: Пермь. Вып. 9: Анализ языковых единиц в социолингвистическом аспекте. С. 195-205.

Шмелева. Т.В. 1997. Модель речевого жанра. в *Жанры речи.* Колледж: Саратов. Вып. 1. С. 88-99.